

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

Библиотечка газеты

ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Составитель Иосиф Гин

ПЕТРОЗАВОДСК

Библиотечка газеты «Общинный вестник»

ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Составитель Иосиф Гин

ПЕТРОЗАВОДСК 2001

С (Евр.)
И 32

Еврейская община Петрозаводска, редакция газеты «Общинный вестник»
выражает благодарность

Феликсу Бухману (Израиль)

за помощь в издании этой брошюры.

קהילת יהודית בפטרזובודסק מודה

לפליקס בוכמן (ישראל)

**על העזרה ביציאת
לאור את החוברת הזאת**

Из еврейской поэзии /Еврейская религиозная община. Составитель И. Гин. –
Петрозаводск: Принт, 2001.
(Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып.3)

ISBN 5-900726-09-6

Иегуда Галеви (1075 – 1141)

Еврейская поэзия насчитывает несколько тысяч лет. Из эпохи Танаха известно самое древнее стихотворение "Песня Деборы" (XII век до новой эры). Эпоха создания Талмуда оставила свою поэзию. Блестящий ряд имен дала средневековая Испания: Шломо ибн Габироль, Моше ибн Эзра, Иегуда Галеви, Авраам ибн Эзра. И уже близкое к нам время дало два великих поэта: Хаима-Нахмана Бялика и Шауля Черниковского.

Сегодня представим одного поэта - великого Иегуду Галеви (1075-1141). Он стремился на родину. И тогда это было непросто.

Я на Западе, а сердце –
На востоке без остатка.
Моя пища так безвкусна,
И откуда быть ей сладкой,

Коли я сдержать не в силах
Обещания святого,
А на мне самом оковы?
Всей Испании богатства

Я бы бросил грудой хлама,
И упал бы, и зарылся
В пыль разрушенного Храма.

Перевод В.Лазарис

В 1140 году Галеви закончил главный свой философский труд "Книгу Хазара" ("Сефер Кузари") и отправился на родину предков.

Давно отмерен срок
Сомнений и тревог
В конце моих дорог
Белеют города.

Песком занесены
До будущей весны,
Они тихи, как сны,
Прозрачны, как вода.

В тени разбитых стен
Забвенье, прах и тлен,
Тоскливый вой гиен,
Стервятников страда,

Но я готов идти
Всю жизнь, чтобы найти
Заветные пути,
Ведущие туда.

Я бросить все готов –
Друзей, родимый кров,
Веселый шум пиров,
Безбедные года.

Давно я сердцем там,
Где плещет Иордан,
В прекраснейшей из стран,
Где гор встает гряда.

Мне прах отцов милей
Застолья королей,
Лишь там, в родном тепле
Давидова гнезда,

Где спят который век
Скрижали и ковчег,
Где время медлит бег,
Ненастьям никогда

Не сбить с куста огонь...
Лишь там, в земле благой,
Я обрету покой
Отныне - навсегда.

Перевод А. Тарновицкого

Иегуду Галеви последний раз видели, когда он на корабле отплыл от Александрии. Дальше его следы теряются. Доплыл ли он до Палестины, добрался ли до Иерусалима - не известно...

Моше ибн Эзра (1055 – 1139)

В XI и XII веках, в замечательную эпоху еврейской поэзии в Испании, жил поэт Моше ибн Эзра. Это была в высшей степени культурная семья, давшая много громких имен, среди которых Иегуда ибн Эзра; мы знаем его по роману Лиона Фейтвангера "Испанская баллада". Иегуда ибн Эзра был племянником поэта. Та эпоха не знала узких специалистов. Поэт Моше ибн Эзра был и лингвистом, и историком литературы, и философом. У него было много учеников, и среди них поэт Иегуда Галеви.

Несколько стихотворений из сборника Моше ибн Эзры "Хризолит" ("Таришиш"). Хризолит - на древнееврейском Таришиш - полулегендарная страна на территории Испании. Поэтому в названии сборника речь как бы идет одновременно и о красивом камне и о неведомой стране.

Груды любимой ласкай под луной,
Губы любимой целуй день-деньской...

Сдайся любви, невзирая на тех,
Кто возглашает, что все это грех.
Только любовь будит радостный смех.
Женщин послал нам небес Властелин,
Чтобы не стало угрюмых мужчин.

Краткая жизнь человеку дана,
Так получи свою радость сполна:
Пой и пляши, не чурайся вина,
А как напьешься, то, чтобы поспать,
Лучшее место - девичья кровать...

Перевод Г. Бена и Я.Либермана

Вот могилы давних лет
Тех людей, чей сгинул след,

И ни зависти, ни бед
Меж соседей больше нет.

Нету злобы, крик затих,
И когда смотрю на них,

Не скажу я никогда,
Кто - рабы, кто - господа.

Перевод В. Лазариса

Загадка

Она в темной ночи нам служить рождена.
Точно пальма, что тянется к небу, стройна.

Как копье золотое, пряма и остра,
Она солнцу и звездам лучистым сестра.

На щеке ее искра-слезинка дрожит.
Пламя точит ей тело и смертью грозит.

Но продлить краткий век ее можете вы
Отсеченьем горячей ее головы.

Нет другого, подобного ей существа.
Так к кому же относятся эти слова?
(Свеча)

Перевод Я. Либермана

Авраам ибн Эзра (1089 – 1164)

Авраам ибн Эзра - поэт, философ, грамматик комментатор Библии и астроном - родился в Толедо (Испания). Судьба была его немилосердно. Из пяти детей четверо умерли, а пятый, Исаак, покинул Испанию и принял ислам. В "Плаче о сыне Исааке" Эзра оплакивает словно бы умершего сына.

Думал я, родился он на счастье,
В старости защитой от ненастья
Мне он будет. Тщетны ожидания.
Я не понял посланного знака,
Суждены мне вечные страдания
После смерти моего Исаака.

Перевод В. Лазариса и Я. Либермана

Авраам ибн Эзра много скитался по странам Европы и Северной Африки. В эти годы много сил отдает исследованию библейских книг, пишет комментарии к Торе и Кохелету. Находясь в Лондоне, Эзра видел сон, и он записал этот сон-видение. Получился небольшой текст под названием "Грамота Субботы" ("Иггерет Шаббат"). В конце жизни поэт возвращается в Испанию и умирает на границе между Наваррой и Старой Кастилией.

Звезды в заговор вступили в ночь, когда я нарождался,
Оттого не удастся мне, за что б я ни принялся.

Торговал бы я свечами - вечно солнце бы светило.
Шил бы саваны умершим - смерть бы к людям путь забыла.

Постучусь я в двери князя - "он из дому уезжает",
Вечером являюсь снова - "князь давно уж почивает".

И беднейшему страдальцу остается жить, как прежде,
С нищетой не расставаясь, как с прорехами в одежде.

Перевод Я. Либермана

Еврейская поэзия

Араб воспел союз любви
И сладкий пыл любовной неги,
Эдом прославил мечь крови,
Удалых рыцарей набеги.

Индуса речь - тайник священный,
Ионян музы нет умней,
Но славу петь Творцу Вселенной
Способен только Иудей.

Перевод А. Дробинского

Хаим Нахман Бялик (1873 – 1934)

Литература на языке идиш с давних пор приучила нас к сугубому бытовизму, к жалобам и плачам на жизнь в черте оседлости. Всё это верно и справедливо. Но читатели конца прошлого столетия словно отвыкли от другой литературы. И тут появился поэт могучего дарования и мощного голоса, как у библейских пророков. Он не жаловался, а как настоящий нави (пророк) обличал, резко говорил правду и вел за собой. Это был великий поэт Хаим Нахман Бялик. Писал он в основном на древнееврейском языке. И только некоторые свои произведения, как поэма "Сказание о погроме", сам перевел на идиш, чтобы большее число людей могли ее прочитать. Но особенно широко узнали Бялика, когда его перевел на русский язык Владимир (Зеев) Жаботинский перед первой мировой войной.

В СССР официально признали идиш народным языком, и древнееврейский обозвали буржуазным; и, понятно, всячески стали его изживать. И Х. Н. Бялик, как и Шауль Черниховский, как и театр "Габима", вынуждены были покинуть страну.

Над бойней

Небеса! Если в вас, в глубине синевы,
Еще жив старый Бог на престоле,
И лишь мне Он незрим,- то молитесь хоть вы
О моей окровавленной доле!
У меня больше нет ни молитвы в груди,
Ни в руках моих сил, ни надежд впереди...
О, доколе, доколе, доколе?
Ищешь горло, палач? На! Свой нож приготовь,
Режь, как пса, и не думай о страхе:
Кто и что я? Сам Бог разрешил мою кровь,
В целом мире я будто на плахе...
Брызни, кровь моя, лей, заливая поля,
Чтоб осталась навеки, навеки земля,
Как палач, в этой красной рубахе...

Если есть Высший Суд - да свершится тотчас!
Если ж я в черных муках исчезну,
И тогда он придет, слишком поздно для нас
То да рухнет престол его в бездну,
Да сгниет ваше небо, кровавая грязь
И убийцы под ним да живут веселясь
И глумясь над Десницей возмездной...

И проклятье тому, кто поет нам про месть!
Мести нет, слишком страшны страдания:
Как за детскую кровь казнь отмерить и счесть?
Сатана б не нашел воздаянья...
Пусть сочтется та кровь неотмщенная в ад,
И да роет во тьме, и да точит, как яд,
Разъедая столпы мироздания...

1903

Перевод В. Жаботинского

Разбей твой алтарь, и пламенный уголь, о, пророк,
Швырни средь большой дороги –
Пусть жарят они на нем мясо, и ставят горшок,
И греют руки и ноги.
И брось им искру из сердца - она пригодится
Зажигать окурок, что погас,
Озарять воровато-ухмыляющиеся лица
И злорадство прищуренных глаз.
Вот шныряют они - и твою молитву бормочут,
И во храме твоём, как дома;
Скорбью твоею скорбят, о твоей заботе хлопочут –
И ждут твоего разгрома.
И тогда на разбитый алтарь налетят, и растащат сор,
Унесут в свои жилища,
И обломками вымостят двор, и починят забор,
И разукрасят кладбища;
И если найдут твое сердце, опаленное, в куче сора,-
Швырнут его псам на еду.
Пни же твой жертвенник, пни пинком позора,
И да рухнет и гаснет в чаду.

.....
Будь Глагол твой горек, как смерть,- будь он
смерть сама, все равно:

Грянь!
Нам смерть не страшна - уж она нас давно оседлала
И в рот нам продела узду;
На устах у нас - гимн возрожденья, и с ним,
под звоны кимвала,
Мы до гроба допляшем в бреду...
1904

Перевод В. Жаботинского

Мы привыкли, что Хаим Нахман Бялик - это поэт-пророк что его громокипящие поэмы и стихотворения потрясают наши души своей мощью и силой духа. Но не будем забывать и то, что наш великий поэт бывает и проникновеннейшим лириком. Три стихотворения, с которыми в этот раз мы вас знакомим, имеют общий заголовок «Из народных песен» и были написаны в 1906 году.

Из народных песен

Между Тигром и Евфратом,
На пригорке, на горбатом,
В листьях пальмы, вся блистая,
Княжит пава золотая.

Я взмолилась златокрылой:
Ты сыщи мне, где мой милый!

Подхвати его на месте
И, связав, умчи к невесте.

А не свяжешь, или нечем, -
Кликни зовом человеческим
И скажи... А что - не знаю...
Ты скажи, что я сгораю.

Скажешь: сад расцвел богато,
И зарделся плод граната –
Но замки-ворота целы,
И не сорван плод созрелый.

Скажешь: ночью я часами
Плачу горькими слезами
И мечусь, полунагая,
Покрывала обжигая.

А нейдет – тогда шепни ты:
Сундуки мои набиты –
Шелк, сорочки, одеяла –
Я сама их вышивала...

И перина пуховая,
Что сготовила родная
За недоспанные ночки
К ложу брачному для дочки...

И, запрятана глубоко,
Ждёт фата поры до срока-
Всё по счёту, я готова, -
Что ж не видно дорогого?

Чудо - дива, птица рая,
Молвит пава золотая:
«Полечу во мраке ночи,
И раскрою другу очи.

В грезе образ твой навею,
В сердце зов запечатлею:
Он проснётся, хватъ метелку
И верхом – в твою светелку».

«Я примчался издалека,
Радость жизни, светоч ока,
И хочу не шёлк прозрачный,
Но любовь в подарок брачный.

Что мне в роскоши наряда!
Шёлка – бархата не надо:
Твои косы – шёлк прекрасный,

Твоя грудь – как пух атласный.
И за мной большое вено:
Чуб – и море по колено.
Выходи ж на встречу друга,
Нареченная супруга...»

Вот и ночь. Туман пронзая,
Взмыла пава золотая,
Взмыла к небу и пропала –
И обета не сдержала.

И с утра до темной ночи
Подымаю к тучам очи:
Тучки, белые туманы,
Где же милый мой желанный?

Перевод В. Жаботинского

У этого великого поэта есть стихотворение «Предводителю хора», написанное, в 1915 году и великолепно переведенное Владиславом Ходасевичем. А само название этого стихотворения ним напоминает начальные слова многих песен-псалмов из Книги Хвалений: Ламэнацеах, что и значит Руководителю (хора).

Сколько непобедимой жизни и бьющей через край жизнерадостности в этой бедняцкой пляске у Хаима Нахмана Бялика!

Предводителю хора

Мупим и Хупим! В литавры! За дело!
Миллай и Гиллай! В свирель задувай!
Скрипка, бойчей, чтоб струна ослабела!
Слышите, черт побери? Не плошай!

Ни мяса, ни рыбы, ни булки, ни хлеба...
Но что нам за дело? Мы пляшем сегодня.
Есть Бог всемогущий, и синее небо –
Сильней топчите во имя Господне!
Весь гнев свой, сердец негасимое пламя,
В неистовой пляске излейте, страдая, –
И пляска взовьется, взрокочет громами,
Грозя всей земле, небеса раздражая.

Ни брюк, ни сапог, ни рубашки – но смейтесь:
Ведь лишняя тяжесть от лишнего платья!
Нагие, босые – орлами вы взвейтесь,
Все выше, все выше, все выше, о братья!
Промчимся грозой, пролетим ураганом
Над морем печалей, над жизнью постылой.
В туфлях, иль без туфель – всем участь одна нам:
Всем песням и пляскам конец – за могилой!

Ни близких, ни друга ни брата, ни сына...
На чье ж ты плечо обопрешься, слабея?
Одни мы... Сольемся же все воедино,
Теснее, теснее, теснее, теснее!
Тесней – чтоб за ногу нога задевала!
Старик в седилах – с чернокудрою девой...
Кружись, хоровод, без конца, без начала,
Налево, направо, – направо, налево.

Ни пяди земли, нет и крова над нами?
Да много ли толку-то в плаче нестройном?
Чай, свет-то широк с четырьмя сторонами!
О, слава Тебе, даровавшие покой нам!
О, слава Тебе, даровавший нам кровлю
Из синего неба – и солнце свечою
Повесивший там... Я Тебя славословлю!
Хвалите же Бога проворной ногою!

Мупим и Хупим! В литавры! За дело!
Миллай и Гиллай! В свирель задувай!
Скрипка, бойчей, чтоб струна ослабела!
Слышите, черт побери? Не плошай!

Шаул Черниковский (1875 – 1943)

Шаул Черниковский не похож на своего современника Хаима Нахмана Бялика. Бялик - выходец из черты оседлости, а Черниковский - из Новороссии. Завоеванные у Турции в конце XVIII столетия северное Причерноморье и Крым еще в первых десятилетиях XIX века были мало заселены. Правительство России до войны 1812 года начало осваивать эти земли. И в нарушение своих же законов решило здесь поселить и евреев из черты оседлости. Соблазняли евреев тем, что не будут у них брать-хватать мальчиков в кантонисты. Так появились еврей-земледельцы в так называемых еврейско-немецких колониях. Немцев же из Поволжья пригласили в каждое село по несколько семей, чтобы научили местечковых евреев пахать землю. Я этим всем интересовался, так как со стороны отца я внук еврея-крестьянина, еврея-колониста. Вот в такой примерно среде появился поэт Шаул Черниковский. Да, родился он на юге России, учился в Германии, а умер в Палестине. По профессии - врач, по призванию - поэт. И жаркая южная Украина вошли в его полнокровную, радостную поэзию, в его многочисленные идиллии. Неужели в XX веке писались давно забытые идиллии? Да, писались. Их писал Шаул Черниковский по-древнееврейски. Да еще как писал! А переводил их на русский язык Владислав Ходасевич. Вот отрывок из из идиллии «В знойный день».

Таммуза солнце средь неба недвижно стоит, изливая
Света и блеска поток на поля и сады Украины.
Море огня разлилось - и отблески, отсветы, искры
Перебегают вокруг улыбчиво, быстро, воздушно.
Вот - засияли на маке, на крылышках бабочки пестрой...
Там комары заплясали над зеркалом лужицы. С ними
В солнечном блеске танцует стрекоз веселое племя.
В зелень густую листвы и в черные борозды поля –

Всюду проникли лучи; вон там проскользнул по струйке,
Что с лепетаньем проворным бежит по земле золотистой.
Луч ни один не вернулся туда, откуда пришел он,
И ни за что не вернется. Так шаловливые дети
Мчатся от матери прочь – прячутся; их не сыщешь.
Поле впитало в себя осколки разбрызганных светов,
Бережно спрятало их в плодоносное, теплое лоно.
Завязи, почки, побеги впитали их в клеточки жадно,
После ж, когда миновала пора изумрудная листьев,
Поле и нива наружу извергли хранимые светы;
Луч поднялся из земли, и зернами сделались искры, –
Зернами ржи усатой, налившейся грузно пшеницы
И ячменя.

И всплеснулось золото нижнее к небу,
С золотом верхним слилось, – и со светами встретились светы.
1904

Стихотворение «В горах» состоит из двух частей. Это вторая его часть.

Туда, где голос-чародей
Тебя зовет: приди, владей!
Где высь лобзает гребни гор;
Где беспределен кругозор,
Где у денницы ярче взор,
Где тьмой повит безмолвный бор.
И выше! Там еще вольней,
Там храм весь в пламени огней.
Да не страшит тебя закат,
Не леденит извечный хлад!
Во имя Господа иди
И место дивное найди,
Где сердце дрогнет, как струна,
Где смерть величия полна...

Перевод О. Румера

*Не перестаешь удивляться его радостному оптимистическому мироощущению.
Как и идиллии, это стихотворение "Лесные чары" перевел Владислав Ходасевич.*

Лесные чары

Вот оно! Восходит солнце! По долинам, по низам
Все еще туман клубится, прицепившись к кустам.

Вот, качаясь, в высь взлетает. С озера сползает тень...
С непокрытой головою, брат, бежим - и встретим день!

По холмам и по долинам, потаенною тропой,
Там, где в даль межа змеится, увлажненная росой!

.....
В лес! У леса - тайны, шумы, сумрак, шорохи теней,
Звуки темные, глухие, дебри спутанных корней.

Там от века дремлют камни; там покой и тишина,
Смутный шорох листопада, злых оврагов глубина;

Там на дне долины вьется с легким шелестом ручей;
Запоздалого побега там не виден взор ничей;

Там нора косоного зайца, гнезда ос в пустых дуплах;
Копошится крот на солнце, ястреб реет в небесах;

Вот - расщепленные буки, на стволах грибы сидят...
В буке - ласочки жилище, а в кустах таится клад.

Робко мышь глядит из норки... Груды хвои, муравьи...
брошена прозрачным свитком кожа старая змеи.

Утром ястреб заунывно прокричит в пустую даль,
Ночью захохочет филин, пробуждающий печаль...

Запах листьев прошлогодних, сосен пряный аромат...
Там, в траве, семьею тесной подосинники сидят.

Боровик, валуй, масленок и пурпурный мухомор!
Здравствуйте, живите, будьте! Всех равно ласкает взор.

Жизнью тихой, жизнью смирной суждено вам здесь прожить,
И болеть, и в чарах леса волховать и ворожить...

Молча внемлю звукам леса я, Адамов сын немой;
Чуждый миру их, иду я одинокою тропой.

О, когда б цветов и злаков речь могла мне быть слышна,
И вела б со мной беседу благовонная сосна!

Верно есть, кто понимает говор листьев, шепот вод,
С незрелой земляникой речи грустные ведет;

Кто целует, сострадая, расщепленный ствол сосны,
Кто поймет качанье дуба, шепот ветра, плеск волны;

Верно есть, с кем чарой ночи рад делиться скромный гриб,
Кто играет с водолюбом, что к пузырькам прилип;

Кто с улыбкой умиления смотрит на гнездо дроздов,
Глухой ящерице кличет: «Тише, берегись врагов!»

Есть же кто-нибудь, кто в скорби на себе одежды рвет,
Слыша, как топор по лесу с тяжким топотом идет!..

Ошер Шварцман (1889 – 1919)

Ошер Шварцман погиб в бою на тридцатом году жизни. Он много лет, с 1911 года, служил в кавалерийских частях. В 1919 году за три месяца до гибели вступил в Красную Армию. Он воевал в первую мировую войну, он участвовал в гражданской войне, он жил во время страшных еврейских погромов на Украине. И он оставил нам немного более шестидесяти стихотворений на идиш. В них нет внешних примет войн, революций и погромов, но есть боль, тревога и мужество. Стихотворения Ошера Шварцмана перевел Валерий Слущкий.

Я видел меч: сверкал, звеня,
Его клинок – алмаз –
Небесным всполохом огня
Мне резануло глаз.

Я видел снег: безгрешно бел,
Едва с небес упал о
Никто коснуться не успел
Чистейших покрывал.

Но пригляделся, и печаль
Мне сжала грудь тотчас:
Запятнан снег, в щербинах сталь –
Прекрасный сон погас,

1909, Киев

Из цикла "Суббота"

Блюме Яхнис

И уже утихает Самбатьон-река...
И степной горизонт золотят облака,
И, подобное зыблющейся пелене,
Темно-синее море в закатном огне.

Наклонился олень к лучезарной реке.
Чудный город мерещится мне вдалеке,
И мечтающий взор отвести не могу
От страны золотистой на том берегу...

1918, Киев

В темную ночь

Когда чернотой мои мысли объята,
И я растворен в непроглядности мглы,
Я слышу вдали штормовые раскаты –
Дробятся валы.

Мне видится битва в кипении моря,
Летящие гребни теней –
Там черные всадники мчатся, пришпоря
Гигантских коней.

Несутся, сшибаясь, ряды исполинов –
с грядою – гряда.
Кто в беге промедлил, оружие не вскинув, –
Уже никогда

Его не нацелит. И в месиве битвы,
В сплетении тел и копыт –
Метущийся ропот проклятья-молитвы,
И ярость кипит...

Когда я во мраке, мне видится поле,
Где властвует смертная мгла,
И чудится стон человеческой боли,
Застывшие в корчах тела.

1818, Киев

В стране людской печали
Что в ответ
Скажу тому, кто изнемог от бед,
Кто пеплом гасит боль страданий?
Перед тем
Язык мой нем...

И гнев смиряя свой,
Я с непокрытой головой,

Нагим и нищим
В пустыню устремлюсь. И станет мне жилищем
Обитель ветра и песка,
Палящий небосвод заменит крышу.
И к людям не вернусь до той поры, пока
Я слою избавленья не услышу.

1919, Киев

Рахель (1890 – 1931)

Рахель Блувштейн-Села родилась в 1890 году в Саратове. Юность прошла в Полтаве. Здесь под влиянием толстовских идей и особенно под влиянием замечательного человека и писателя Владимира Галактионовича Короленко Рахель решила работать на земле. В 1909 году она уезжает в Палестину и работает на ферме на берегу озера Киннерет.

Может быть,
Никогда не бывало тех дней?
Может быть,
Никогда не вставала с зарей и не шла
По росистым лугам я косить?

Никогда в те горящие долгие дни
На полях
Не везла я с ликующей песней снопы
На тяжелых, высоких возах?

Никогда не бросалась в кристальную синь
Твоих волн?
О Киннерет ты мой, о Киннерет ты мой,
Неужели ты был только сон?

Перевод М. Ялан-Штекепис

Как тепло в оригинале звучит эта строка:

О Киннерет ты мой, о Киннерет ты мой... –
ШЕЛЬ КИННЕРЕТ ШЕЛИ... ОЙ, КИННЕРЕТ ШЕЛИ...

В 1912 году Рахель едет во Францию учиться - осваивать агрономию. Начавшаяся I мировая война вынуждает ее вернуться в Россию, где в лишениях и голоде проведет и годы гражданской войны. И только в 1919 году Рахель, уже больная туберкулезом, сможет приехать в Палестину. На земле работать здоровье уже не позволит. Работать будет только душа. Стихи свои она подписывала только одним именем: Рахель. Они станут очень популярны. А жизни останется очень мало. В 1931 году ее похоронят на берегу озера Киннерет.

Рахель

Ее голос – моя свирель.
Ее кровь – в моей.
Отару пасет, что снега белей,
Праматерь Рахель.
Оттого стал мне тесен дом,
Плохо мне в городах –
Что играли ветра в степях
Непослушным ее платком.

Оттого так легко идти,
Так спокойно жить –
Что ногам моим не забыть
Те былые пути.

Перевод Б. Камянова

Стране моей

Страна моя! Тебя
Не воспела я
За подвиги твои,
Твою борьбу. Лишь посадила я
У речки деревцо,
Лишь протоптала я
В степи тропу.

Хоть я и знаю, мать,
Что скуден этот дар, –
Прошу, прими его
По доброте:
Он – радостная песнь,
Он – затаенный плач,
Когда ты вновь в беде.

Перевод Б. Камянова

Хаим Ленский (1905 – 1943)

Среди многих печальных судеб еврейских поэтов поражает трагизмом судьба Хаима Ленского. Он родился в городе Слониме, воспитывался у дяди. Его родители расстались, когда будущий поэт был младенцем. После революции отец оказался в СССР, а сын - в Польше. И чтобы увидеться с отцом, восемнадцатилетний Хаим Ленский перешел польско-советскую границу и был задержан пограничниками. Начались его беды. Да и что могло ожидать поэта, пишущего на древнееврейском языке, в СССР, где идиш был признан народным языком, а древнееврейский буржуазным?.. С середины 30-х годов аресты, лагеря, Сибирь и небольшой перерыв перед войной. Умер в лагере, в Сибири, вероятно, в 1943 году. Стихи Хаима Ленского приводим в переводах Валерия Слуцкого.

Воеет вьюга. Ворота скрипят на ветру.
Машет дерево скрюченной кроной.
Чьи-то окрики. Полночь. К какому одру
Припаду головой обнаженной?

Хлещет режущий снег по горячей щеке.
О, я знаю - меня поджидая,
Исполинской медведицей там, вдалеке
Притаилась Россия. Туда я

Устремлюсь. Буду схвачен. И в крике мой рот
Искажится от боли когтящей.
Так, настигнут, последний из зубров ревет,
Окружен Беловежскою чащей.

И тогда, белизну снеговой пелены
В муках брызгами крови усеяв,
Он припомнит о пасынке чуждой страны,
О последнем поэте евреев.

Царствуй, древняя речь! Иордан и Евфрат
За спиной твоих войск, закаленных походом.
Твои буквы подобны построенным в ряд
Ассирийским героям квадратобородым.

Я себя полководцем твоим сознаю.
Прикажи, развернут боевое искусство
Ямб – в пехотном, хорей – в колесничном строю.
Впереди знаменосец решительный – чувство.

Из-за Немана, Дона, Невы их полки
Перевел я, победно командуя ими.
О, царица! И ты из-за Леты-реки
Вслед за древними переведи мое имя.

Охранник юный, черный зев ружья
Не наводи, моей горячей крови
Не проливай в дверях небытия,
Покуда немота на полуслове

Мой голос не сковала. Солнцу дня
Позволь мне гимн закончить вполнапева
И прошептать, чуть голову склоня:
«Шалом! Шалом!» – направо и налево.

Аврааму К (ариву)

Свет лимонных зорь конца элула,
В небе нежность хрусталя.
В стылую бескрайность заглянула

Увлажненная земля.
Посвист ветра не уgomонится
На взъерошенной стерне...
По другую сторону границы,
Друг мой, вспомни обо мне!

Ленинград, В тюрьме, 24 2. 1935

И еще одно стихотворение в переводе А. Воловика.

Под чуждым небом кочевать,
Опять брести в неволе.
Я у судьбы прошу узнать,
У звезд прошу: доколе?
Нет сил терпеть, нет больше сил,
Мой каждый вздох – от боли.
И я просил, и я молил –
Хоть миг покоя, что ли!
Хоть раз склониться над волной
Молю в последнем тщанье:
Пусть передаст земле родной
Хоть губ моих касанье...

Ицик Фефер (1900 – 1952)

Ицик Фефер родился в местечке Шпола на Украине. Его отец был учителем, меламедом. Вот как поэт позднее писал о своем родном иштете - местечке:

Первые стихи

Я помню в Шполе уличку Лесную,
Запущенную, грязную, смешную,
Старушек, ковыляющих по ней,
И сверстников, оборванных парней,
И балагул, орущих по проселкам,
И летом пыль, и снег с морозом колким...

Я тоже молод был и понял это
И крепко зажимал подарки лета
В горячих лихорадочных руках.
Мой карандашик заработал быстро,
И вот не буквы - огненные искры
Рассыпались в тетради на листках.

Начало всех начал, большая дата!
Тех строчек нет, затеряны куда-то.
Но первенцев припомнил вдруг поэт, –

Наверно, потому, что были плохи.
И, загрустив о ранней той эпохе,
Он старше стал на двадцать с лишним лет.
Я вспомнил улочку Лесную в Шполе...

Перевод П. Антокольского

Воспоминания детства занимали немалое место в мире Ицика Фефера.

Как мама варила варенье

Волненье небывалое,
Огнем пылают лица.
В печурке пламя шалое
Беснуется, ярится.

Завален стол малиною,
И, к маме прижимаясь,
Худую шейку длинную
Я вытянуть стараюсь.

Лежит малина сладкая,
Малина – объеденье...
Хоть бы тайком, украдкой
Попробовать варенья!

Но мама сразу хватится.
Сестренки и братишки –
Заплатанные платица,
Дырявые штанишки –

Стоят замороженные,
Глаза у всех сверкают.
Мать стебельки зеленые
У ягод обрывает.

От жара трудно выстоять.
Вот на огне мгновенно
Малина бархатистая
Густой покрылась пеной.

Отведать бы украдкою!
Глаза у всех сверкают,
А запах сока сладкого
Нам в ноздри ударяет.

И шепчет мать: – Да сбудется!
Пускай в шкафу хранится,
Пусть дети не простудятся –
Пускай не пригодится!

Перевод В. Бугаевского

Лейб Квитко (1890 – 1952)

Когда родился замечательный еврейский детский поэт Лейб Квитко, точно мы не знаем. Эта дата колеблется между 1890 и 1895 годами. Не знал своего года рождения и сам Квитко. Он родился в семье ремесленника селе Голосково на Украине. Когда Лейб был маленьким мальчиком, туберкулез скопил всю его семью - родителей, братьев и сестер. Зато год смерти Лейба Квитко мы хорошо помним: 1952 год. Это год, когда был уничтожен Еврейский антифашистский комитет. То был цвет еврейской литературы. Среди обреченных - и классик еврейской прозы, уже старик, Давид Бергельсон. Кто-то из сокамерников рассказывал, что он сидел и раскачивался все время и только твердил: "Фар вос?! Фар вос?!" – "За что?! За что?!"

Лейб Квитко был светлый, радостный человек. Поэтому так популярны его стихотворения "Анна-Ванна – бригадир", "Кисанька", "Скрипка", "В гости", разве такое забудешь:

Но-о, лошадка!
Стук-стук, дрожки!
В лес поедem к бабке Мирл
По кривой дорожке...

Перевод Т. Спендиаровой

Я был маленьким мальчиком, еще не ходил в школу, когда старший брал мой студент привез мне из Ленинграда книжку-стихотворение, которое начиналось так: "Климу Ворошилову письмо я написал..." Дело не в Ворошилове. Это было прекрасное стихотворение Лейба Квитко, переведенное с языка идиш Самуилом Мариаком.

Лемеле хозяйничает

Мама уходит,
Спешит в магазин.
– Лемеле, ты
Осташься один.

Мама сказала:
– Ты мне послужи:
Вымой тарелки,
Сестру уложи.

Дров наколоть
Не забудь, мой сынок,
Поймай петуха
И запри на замок.

Сестренка, тарелки,
Петух и дрова...
У Лемеле только
Одна голова!

Схватил он сестренку
И запер в сарай,

Сказал он сестренке:
– Ты здесь поиграй!

Дрова он усердно
Помыл кипятком,
Четыре тарелки
Разбил молотком.

Но долго пришлось
С петухом воевать –
Ему не хотелось
Ложиться в кровать.

Перевод Н. Найденовой

Скрипка

Я разломал коробочку –
Фанерный сундучок, –
Совсем похож на скрипочку
Коробочки бочок.

Я к веточке приладил
Четыре волоска, –
Никто еще не видывал
Подобного смычка

Приклеивал, настраивал,
Работал день-деньской...
Такая вышла скрипочка –
На свете нет такой!

В руках моих послушная,
Играет и поет...
И курочка задумалась
И зерен не клюет.

Играй, играй же, скрипочка!
Трай-ля, трай-ля, трай-ли!
Звучит по саду музыка,
Теряется вдаль.

И воробьи чирикают,
Кричат наперебой:
«Какое наслаждение
От музыки такой!»

Задрал котенок голову,
Лошадка мчится вскачь.
Откуда он? Откуда он –
Невиданный скрипач?

Трай-ля! Замолкла скрипочка...

Четырнадцать цыплят,
Лошадки и воробушки
Меня благодарят.

Не сломал, не выпачкал,
Бережно несу,
Маленькую скрипочку
Спрячу я в лесу.

На высоком дереве,
Посреди ветвей,
Тихо дремлет музыка
В скрипочке моей.

Перевод М. Светлова

Давид Гофштейн (1889 – 1952)

Давид Гофштейн родился в итетле, в местечке Коростышеве на Житомирщине в семье еврея-хлебороба. Так о нем писал украинский поэт Максим Рыльский. И вся жизнь Давида Гофштейна связана с Украиной и Киевом.

Вот как пытливо вглядывается в мир двадцатилетний поэт:

Компас

И ночь и звезды без конца, без края...
Во всем знакомом тайну открываю.
Коробка круглая меня манит,
И стрелка в ней железная – магнит –
Трепещет на иголке, и томится,
И под стеклянной крышкою стремится
К звезде Полярной в голубую тьму...
Но почему?
Но почему?

Перевод Н. Ушакова

Давид Гофштейн не только «во всем знакомом тайну открывает», но и открыл для себя форму стихотворения-миниатюры.

Так из теплой сердечной росы,
Так из соков горячих и юных,
Из окутанной временем плоти
Вдруг рождается мечта,
Что годами блуждала в скитаньях,
Так рождается напев,
Не меняющийся никогда,
Так они возникают –
Легенды,
Сказанья.

Перевод С. Олендера

Имена

Как два волчонка, разыгрались дети,
Еще - волчата маленькие оба.
И Шамаем зовется старший сын, –
Так звался дед, старик слепой в трущобе,
В глухом местечке проживший столетье, –
И Гилелем зовется младший.
Иное имя в первые часы
Его на лестнице теней
Подстерегало,
Но я из гущи дней
Кипящих
Внезапно ощутил и увидал
Дыханье юных лет,
Как капельки росы
На плесени старинного гнезда...
И Шамаем зовется старший сын,
И Гилелем зовется младший...

Перевод Б. Левмана

Перец Маркиш (1895 – 1952)

Перец Маркиш родился ни Волыни. Его дед Шимшон-Бер знал, что его далекие-далекие предки жили когда-то в Испании. Умный и живой внук Шимшон-Бера уже в три года стал ходить в хэдэр. Перец Маркиш не только поэт-лирик, но и автор многочисленных поэм. Он не только поэт, но и драматург, и автор нескольких романов.

И поют, поют дороги...

- напишет Перец Маркиш и своей ранней поэме «Волынь» (1918 г.). И эти самостоятельные дороги запели ему очень рано. Десятилетний мальчик с хорошим голосом и слухом, он поет в синагогальном хоре в городе Чуднове, что стоит на скалистых берегах реки Тетерев. Это совсем недалеко от Житомира.

В ранней юности начались его скитания по «черте оседлости»: Балта, Кишинев, Одесса... Работает конторщиком, репетитором, поденщиком, сборщиком винограда. Это была школа жизни. А впереди Переца Маркиша ждали еще более суровые испытания: рядовым солдатом он прошел первую мировую войну. «Интернационализм, пронизывающий все его творчество, – писал Наровчатов, – он выстрадал на кровавых Галицийских полях, в залитых осенним дождем окопах, в пропахших карболкой полатах солдатских лазаретов». Эти испытания стали вехами, этапами рождения крупного еврейского поэта, писавшего ни языке идиш.

Я сам – земля!
И пашня – сам!
И сам – налившийся на пашне колос...
Нет, то не высь грозою раскололась,
То сам я тучею прошел по небесам

И на себя низвергся ливнем сам!
Я с корнем вырвал всё, что сгнило на корню,
И всё, что вырвал, сам похороню.
Поднявшийся из тьмы заклятых мраком лет,
Я сам их окропил
Благим предвестьем дня,
И вот уже светает вокруг меня,
И в ночь затерян след...

Я пашня. Я земля. Я колос наливной...
И скорби не дозвлеть вовеки надо мной.

Перевод Л. Руст

Это раннее бунтарское стихотворение. Это время, когда в Киеве рядом с Перецом Маркишем работали замечательные молодые поэты Лев Квитко, Давид Гофштейн, Ошер Шварцман. И наряду с бунтарскими стихами тогда рождались такие проникновенные строки, которые перевела Анна Ахматова.

Ты никогда еще так не была свежа,
Как ранней осенью, почти совсем зеленой.
Вот ветер за тобой погнался, весь дрожа,
И поцелуй сорвал, роняя листья клена.

Ты пахнешь камышом, продрогшим на ветру,
И спелым яблоком – осенней негой садах
Я сбитый ветром лист взволнованно беру
И целовать тебя хочу, моя услада.

Брожу растерянно и что-то бормочу.
Какая в этих днях неслыханная сила!
Мне ветер сердце дал и взял мое. Хочу,
Чтоб ты мне сердце подарила.

Мы с вами перечитали некоторые стихотворения еврейских поэтов, писавших на языке идиш. Это строки и Переца Маркиша, и Лейба Квитко, и Давида Гофштейна, и Ицика Фефера. И у всех у них одна и та же дата смерти - 1952 год, 12 августа 1952. Это все жертвы сталинских репрессий. Это все расстрелянные в один день члены Еврейского антифашистского комитета. Мы перечитали четырех поэтов - жертв было куда больше.

Велвл Чернин (1958)

Велвл Черник уникальный поэт на идиш. Родился в Москве в ассимилированной семье. Идиш начал сам изучать в 12 лет после того, как побывал на родине матери в Перятыне. В 20 лет стал изучать иврит. Тогда это можно было делать только нелегально. Историк по образованию, в 1983 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького (группа идиш первого набора), изучал крымчаков и караимов, в 80-е годы работал редактором в журнале «"Советиш Геймланд"». В Израиле с 1990 года. Стихи даются в переводе Валерия Слуцкого.

Уходит мой народ
Веками – млад и стар
И гонит и зовет
В родную даль Шофар.

И вновь костры и ночь.
И вновь пророк велит
Надеждой превозмочь
Глухую боль обид.

И не видать конца
Пути в чужой стране.
Иди! Завет Творца –
Будь тверд и верен Мне,
И ...

Моя грамматика (отрывки)

Не люблю я грамматику –
Косность ее наступленья,
С ней строку не завертишь,
Играя, как в цирке – жонглер.
И в свободной манере
Сегодняшнего поколенья
Я кидаюсь в атаку,
Чтобы дать правишкам отпор.

.....

Я — еврейский еврей,
И в душе отзывается идиш.
Кое-что с колыбели,
Поверьте, осталось в мозгу.
Что касается "хун", —
Хоть различья в словах не увидишь,
Где — петух, а где - курица,
Я разобраться смогу.

Да, грамматика — страж,
Ей отставку давать не годится;
Тот замес, на котором
Скрепляются в строки слова.
Без грамматики стих
Опадет — за частицей частица,
И осыпется песнь,
Как с деревьев осенних — листва.

.....

Часто ссоримся мы.
Своеволие слов не в почете
У нее. И, признаться,
Грамматику я не люблю...

Довид Кнут (1900 – 1955)

Довид Кнут (Давид Миронович Фихман) не собирался быть эмигрантом, но его дом после революции оказался в Румынии. И юный поэт переехал в Париж. Его жена, поэтесса Ариадна Скрябина, дочь композитора, стала героиней французского сопротивления. Гитлеровцы ее зверски замучили в 1944 году. В Тулузе ей установлен памятник.

Довид Кнут писал по-русски. Вот одно из его лучших, поистине пламенных стихотворений.

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Сын Меира-Кто-Просвещает-Тьмы,
Рожденный у подножья Иваноса,
В краю обильном скудной мамалыги,
Овечьих брынз и острых качкавалов,
В краю лесов, бугаев крепкоудых,
Веселых вин и женщин бронзогрудых,
Где, средь степей и рыжей кукурузы,
Еще кочуют дымные костры
И таборы цыган;

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Кто отроком пел гневному Саулу,
Кто дал
Израиля мятежным сыновьям
Шестиконечный щит;

Я,
Довид-Ари,

Чья праща исторгла
Предсмертные проклятья Голиафа, –
Того, от чьей ступни дрожали горы, –
Пришел в ваш стан учиться вашим песням.
Но вскоре вам скажу
Мою.

Я помню всё:
Пустыни Ханаана,
Пески и финики горячей Палестины,
Гортанный стон арабских караванов,
Ливанский кедр и скуку древних стен
Святого Ерушалаима
И страшный час:
Обвал, и треск, и грохоты Синая,
Когда в огне разверзлась с громом небо
И в чугуне отягощенных туч
Возник, тугой, и в мареве глядел
На тлю заблудшую, что корчилась в песке,
Тяжелый глаз Владыки - Адоная.

Я помню все: скорбь вавилонских рек,
И скрип телег, и дребезги кинор,
И дым, и вонь отцовской бакалейки –
Айва, халва, чеснок и папушой, –
Где я стерег от пальцев молдован
Заплесневелые рога и тарань.

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Тысячелетия бродившее вино,
Остановился на песке путей,
Чтобы сказать вам, братья, слово
Про тяжкий груз любви и тоски –
Блаженный груз моих тысячелетий.

Его первый сборник стихов так и назывался "Мои тысячелетия" (1925 г.)